

Бенжамен Демар

**ТРИ УДАРА
ПОД ДЫХ**

Перевод с французского
Марии Брусовани

Глава 1

Во дворе тихо. Пока мы сидели на физике, прошел дождь. Асфальт еще влажно блестит. Между зданиями гуляет холодный ветер. Половина второго. Ты вслушиваешься, прислонившись к стене учебного корпуса.

Ты один. Ты первым выходишь на большую перемену, первым уходишь домой. И первым приходишь сюда, в это ненавистное место. В конце концов, не все ли равно — здесь или дома.

Ты слышишь, как они идут, задолго до того, как увидишь их. Надо же, неделю за неделей всё смеются. Как ни в чем не бывало. Все-таки память у них короткая. Они все ближе, они уже здесь. Ржут и толкаются. Скоро их набьется полный двор. Тогда ты сможешь выбрать.

Как было в прошлый раз? На той неделе, помнишь? Тот высокий, который показывает во дворе приемчики карате. Красивое невозмутимое лицо, вытянутая нога, потрясающая техника. И ступня, замершая в сантиметре

от подбородка его друга. Это длилось недолго. Ты ни секунды не сомневался в себе. Похоже, он тоже не сомневался. Расправил плечи, встал в стойку — сейчас как даст. Но твою сверхъестественную силу не остановить. Короче, каратист отвалил с разбитой губой, весь в крови.

Ну вот, теперь все они тут столпились. Полный двор. Они — косяк мелкой рыбешки, а ты — большая акула. Опасный хищник. Безжалостная машина. Ты сжимаешь и разжимаешь кулаки. Ощущаешь, как под свитером перекачиваются мускулы. До чего приятно сознавать, что ты непобедим.

Ты распрямляешься, отлепляешь от стены широкие плечи. Сейчас ты войдешь в стайку мелкой рыбешки. Ты сразу поймешь, которую схватить. Ты доверяешь чутью. Знаешь, что можешь себе это позволить. Приближаясь к ним, ты чувствуешь, что они искоса на тебя поглядывают. Испуганно глянут — и тут же отводят глаза.

Их полно, и можно выбрать любого, но так было бы слишком просто. На пути тебе попадают и те, с кем ты раньше дружил. И каждого из своих друзей ты хотя бы раз отметелил. Просто так. Ни за что. Смеха ради.

Ты идешь дальше, они изо всех сил делают вид, будто тебя не замечают. Всё, ты сделал выбор. Это заняло не так уж много времени. Вон он, возле баскетбольной корзины. Болтает с двумя девчонками. С твоими одноклассниками. Сам-то он из параллельного класса. Вечно ржет. Да еще выпендривается. А девчонки вроде хихикают.

Глава 2

Ты выбрал не самого крепкого. Но уж больно много он треплется. Всегда всем доволен. За словом в карман не лезет, и живется ему наверняка легко. Ты уже прямо у него за спиной, девчонки тебя заметили, а он нет. Пока нет. Потом он все-таки оборачивается. Ты внимательно следишь за тем, как меняется его лицо. Таким ты его еще не видел. Серьезное, встревоженное — от улыбки не осталось и следа.

Одного того, что ты стоишь перед ним, достаточно, чтобы он чувствовал: все, попался. Он уже понимает, что стоит ему открыть рот, сказать хоть слово — и ему не спастись. Он пропал. Теперь он в твоей власти.

— Чего тебе?

Прикольнo, с этих слов чаще всего и начинается.
«Чего тебе?»

Сегодня ты действуешь по-другому. Ты не отвечаешь. Ты оставляешь его наедине с самим собой. Ты хо-

чешь посмотреть, куда он загонит себя словами. Словами, в которых обычно он черпает силу.

— В чем дело?

Ты легонько так его толкаешь. Упершись ладонью ему в плечо.

— Да ладно тебе!

Он изгибается, едва не падает, на шаг отступает. Девчонки что-то тебе говорят, но ты не слышишь, что именно. Вообще-то тебе плевать. Ты опять толкаешь его. Чуть посильнее. И он снова пятится.

Вот оно, начинается. Вы словно заключены внутри круга, видимого только вам. Впились друг в друга взглядами, которые уже не можете отвести. Кажется, будто кто-то накрыл двор плотным одеялом: оно не пропускает звуки и свет. И тот, другой, нападает, потому что у него не остается выбора. Так поступают дикие звери. Прерывисто дыша, развернуться, чтобы встретиться с хищником.

Ты навешиваешь ему по уху. Он падает, выставляя вперед ладонь, выпрямляется. Он бы рад уйти, но выхода уже нет. Теперь круг стал видимым. Все подтянулись поглазеть, любопытно же. Вы как на арене. И ты, само собой, победитель.

Девчонки кричат, но их вопли тебя не трогают. Тебе надо довести дело до конца. И вот ты делаешь шаг вперед и прорываешь его линию обороны. Запросто. Он машет руками, может, ему даже удастся задеть тебя.

Ерунда. Ты поставил себе цель. И ты идешь к ней, считая: «Раз! Два! Три! — Ды-ды-дыщ!», как ты частенько бубнишь про себя. Три удара под дых. Никто не бьет так быстро и так сильно, как ты. Это твой коронный приемчик. «Ды-ды-дыщ!» Когда ты в коллеже, лучше под дых. Чтобы не спалиться. Хотя вообще-то тебе пофиг.

Тот согнулся пополам. Он валится на землю, осторожно вытягивается, разевает рот. Глаза блестят, по щекам катятся слезы. Что, всё, что ли? Ага, на сегодня всё. Тебя накрывает полное спокойствие. Арена постепенно исчезает. Всё кончено, и тебе одиноко и грустно.

Ты слышишь, как у тебя за спиной кто-то кричит, и на этот раз оборачиваешься. Воспитатель. Новый, пришел в начале года. Ты смотришь, как он чешет к тебе. На пару секунд задумываешься, не вырубить ли его, как того болтливого придурка. Три удара под дых. По глазам видно, как он тебя боится. Ты видишь себя их глазами. Он уже подошел и орет на тебя. Ты, мол, плохо себя ведешь. У тебя, мол, будут проблемы.

А потом он ведет тебя в учительскую.

Глава 3

Тыходишь в класс, урок французского уже начался. Вваливаешься без стука, препод тебя тормозит. Ты протягиваешь ему справку, вы пару секунд оценивающе смотрите друг на друга, и ты идешь на свое место.

Взгляды никогда на тебе не задерживаются. Люди чувствуют опасность. Так что никто на тебя особо не пялится. Кроме разве что вот этого приехавшего из Алжира препода по французскому. Манера у него такая — во время разговора уставиться на человека. Будто насквозь видит. За кого этот козел себя принимает? Он что, совсем офигел? Вообще не въезжает, с кем связался? Нельзя смотреть в глаза злой собаке. Надо переводить взгляд куда-нибудь подальше, на ее спину и хвост. Не дразнить. Не нарываться.

Как раз в этом году ты осознал, что можешь наводить страх на взрослых. В смысле, на взрослых тоже. В их глазах ты заметил тот же проблеск испуга. Тот

самый, который еще прежде появлялся у твоих товарищей при виде тебя. Началось с математички. Потом, очень скоро, этот испуг стал мелькать в глазах у всех, стоило только тебе появиться. Теперь они близко к тебе не подходят. Кроме физрука, может. Но этот-то, этот! Препод по френчу, с черной кудлатой башкой! Этот суслик, у которого только и есть, что его книжки и цитаты, больше прикрыться нечем. Если придется, ты легко с ним справишься. Тогда чего он так пялится на тебя и бубнит про Монтескье? Или про Хемингуэя втирает, или про Ромена Гари.

Ну и ты пристально его разглядываешь. Тоже держишь в напряжении. И уже не отпускаешь. Посмотрим, кто сильней.

Когда ваши взгляды скрещиваются, это похоже на настоящую драку — как во дворе.

Это может затянуться надолго, но тебе пофиг. Ты знаешь, что ты сильней. Он тоже должен это чувствовать. И, чтобы покончить с этим, он отводит глаза и выходит из боя, как последний трус.

Он понял.

Ты его одолел.

Ты можешь уйти с арены. Победителем. Снова победителем. Иначе и не бывает. Ты оборачиваешься, обводишь взглядом одноклассников. До них допёрло, что произошло. Все чувствуют напряжение в классе. Каждый смотрит прямо перед собой.

Чего? Это что, он к тебе обращается? Ты поворачиваешь голову к учительскому столу. Препад не просто уставился на тебя своими свиными глазами, он вдобавок еще что-то говорит. Задал тебе вопрос. Тебе! Вопрос!

— Чего? — спрашиваешь ты, обезумев от ярости.

Он повторяет свой вопрос. А его глаза снова уперлись в твои. Выходит, он ничего не понял? Вообще не въехал? Мало ему? Еще хочет? Хочет почувствовать твой кулак на своей роже? Что — вопрос? Понял ли ты вопрос? Да по барабану, не в этом дело. Дело в том, что он до тебя докапывается. А раз он до тебя докапывается...

Кто-то поднимает руку, и препад отворачивается от тебя.

— Да?

Правильный ответ.

Конец урока ты проводишь в попытках снова развязать бой. Чтобы уж покончить с этим раз и навсегда. Уничтожить его. Но глаза препода скользят с одного ученика на другого, а тебя будто не существует.

Он боится. Верняк, боится.

Глава 4

Когда ты приходишь домой, мать уже тебя поджидает. Ей звонили из коллежа. Ты снова подрался. На этот раз тебя выгнали на целую неделю. А в следующий раз вообще попрут из школы. Мать хочет поговорить с тобой.

Блин, как не вовремя. Тебе совершенно нечего ей сказать.

Она настаивает, так что ты попросту заруливаешь к себе в комнату. Но она хватает тебя за рукав и называет по имени:

— Блез!

Свое имя ты ненавидишь. А уж плаксивый тон, которым она к тебе обращается, вообще не выносишь. В нем вся эта жалостливая материнская любовь... Еще не хватало! Ее интонации возвращают тебя в те годы, когда ты был слабаком. Маменькиным сынком. Совершенно беззащитным.

— Блез!

Дернув плечом, вырываешься. Она что-то там буб-

нит в коридоре. Ты не въезжаешь, о чем она, ты уже не слушаешь. Но внезапно ты останавливаешься, разворачиваешься и возвращаешься к матери.

И там, в коридоре, принимаешься ее трясти. Ты кричишь. Ты хватаешь ее за плечи и трясешь. И в ее глазах впервые в жизни видишь страх. Ты уже сам не знаешь, что творишь. Ты орешь. Командуешь. Оскорбляешь.

Когда ты наконец отпускаешь ее, она безвольно сползает по стене коридора. По той стене, где красуются ваши с ней фотографии. Вы там улыбаетесь. Мать оседает на линолеум. Она плачет.

Смотреть противно, и бесит, ты просто вне себя от злости. Сейчас бы пятерых таких, как сегодня днем. Таких же бакланов-выпендрейников. Ты их просто уничтожил бы. Но их нет, и ты идешь в кухню, видишь сумку матери, роешься в ней, нащупываешь кошелек. Вытаскиваешь из него бабки и впервые в жизни даже не пытаешься как-нибудь замести следы. Более того, ты бросаешь раскрытый кошелек на стол, среди крошек, оставшихся после обеда.

Выйдя из кухни, ты краем глаза замечаешь в коридоре скорчившуюся на полу мать. Ревет. Ты ненавидишь то, что сейчас чувствуешь. Убить бы кого-нибудь. Или самому помереть. Ты не знаешь, что лучше.

Ты отпираешь дверь. Надо бы хлопнуть ею со всей силы, как обычно, но ты, наоборот, оставляешь ее открытой.

И скатываешься вниз по лестнице.

Глава 5

Теперь ты наконец можешь дышать. Выходит, так разволновался, что у тебя перехватило дыхание? Или это от страха? Да нет, фигня, страха ты не знаешь. А то, что накатывает ночью, то, отчего иногда намокают простыни и отчего ты часто просыпаешься в холодном поту, покрывающем твою широкую грудь, — совсем другое дело. Ты не хочешь об этом думать. Так же точно, как не хочешь думать о матери, свалившейся на пол в коридоре. Там, наверху.

Теперь, когда ты выскочил из дому, от всего этого легко избавиться. Ты знаешь как. Несколько звонков по телефону.

Ты встречаешься с ними на площади Фонтен.

Их трое, все постарше тебя. Уже совершеннолетние. У их ног начатая упаковка пива. Ты подходишь, и тебе тоже протягивают банку. С ними классно. Попадаешь в совсем другой мир. Более жестокий, более жесткий,

но и прикольный тоже. Тебе это нравится. Вы решаете пошататься по округе, прихватив с собой остатки пива. На пешеходной улице вы цепляетесь к двум сидящим на скамейке девчонкам. Ты слегка приотстал и улыбаешься им. Красивые девчонки, может, чересчур размазанные, но красивые. Они вас посылают. Сыплются оскорбления. С обеих сторон. Жалкие придурки. Грязные шлюхи. Вы следуете дальше. Громко ржете.

В парке вы натываетесь на другую компанию. Пять парней, все тоже старше тебя. Большинство из них ты знаешь в лицо. Но никогда ни с одним из них не общался. Твои новые дружки тебя с ними знакомят. Пожимают руки, стучаются кулаками, толкают друг друга плечами. Тебе это конкретно нравится. Тебе с ними в кайф.

Скручиваются косячки. Ты легонько затягиваешься. Вообще-то обычно тебя не вштыривает. Ты просто слабеешь. А главное, от этого просыпаются твои кошмары. И тут ты вспоминаешь про бабки у тебя в кармане. Идешь в мини-маркет — в тот, что работает до девяти вечера. И выходишь оттуда с двумя упаковками пива. Все ценят твою крутизну, благодарят. Вот только ты после этого чувствуешь себя маленьким мальчиком. Ты чего, понравиться, что ли, захотел?

Берешь новую банку, прикуриваешь сигарету. И молчишь, упрямо насупившись. Вы отделяетесь от старших парней и входите в парк. Уже совсем стемнело, но парк еще открыт.

Кругом полно свободных скамеек, но вы направляетесь к той, где тискается и целуется какая-то зеленая парочка. Все происходит очень быстро: словечко-другое, и они сваливают. Тебе как-то не по себе. Твои дружки отрываются по полной. Глядя на них, ты катаешься со смеху. Но и здесь тебя царапает ощущение, будто ты не на своем месте. В тебе видят просто мальчишку.

Ты-то знаешь, что достоин гораздо большего. Тебе бы очень хотелось доказать им это. Ты размышляешь. Замыкаешься в молчании, думаешь. Но в голову ничего не лезет. А потом вдруг решение проходит прямо перед тобой. Какой-то парень лет двадцати. Этаким модный хипстер, густая, аккуратно подстриженная борода, узкие брючки с заниженной талией, жилетка. Проходит такой мимо вас, покуривая. Ты его окликаешь. Он даже головы в вашу сторону не поворачивает.

— Алё!

От твоего окрика он останавливается. Ты резко вскакиваешь, догоняешь его. Ты хочешь сигаретку. Давай, по-быстрому! Тот говорит: «Извини, у меня мало осталось» — и продолжает свою прогулку. Он прекрасно видит, что ты намного младше. Но ты-то заметил, как в его глазах промелькнул страх. Парень твой. И вот ты хватаешь его за плечо. Заставляешь обернуться. И прежде, чем он успевает хоть как-нибудь среагировать, крепко отовариваешь его по роже. Ты вроде хотел сделать ему свой фирменный «Ды-ды-дыщ!» под дых, но как-то сама собой получилась оплеуха. Ты даже и не собирался.

— Гони давай! Сиги! Гони сиги! Быстро!

Он достает пачку и что-то лопочет, ты не слушаешь. Ты выхватываешь ее у него из рук и орешь, чтобы он валил отсюда.

Когда ты возвращаешься к вашей скамейке, твои друганы просто подышают со смеху. Они подставляют тебе ладони, и ты в ответ даешь им пять. Когда ты прикуриваешь, рука с зажигалкой слегка подрагивает. Ты сердишься на себя. Того лоха ты не испугался. А вот взгляда этих троих на скамейке...

Пиво закончилось. Ты вызываешься сходить принести еще. Но у твоих друганов, у твоих новых корешей еще полно дел. У них забиты стрелки, надо раздобыть новую порцию дури. Вы прощаетесь и расходитесь.